

DOI 10.15393/j9.art.2014.750

Любовь Викторовна Алексеева

*специалист web-лаборатории филологического факультета,
мл. науч. сотр. каф. русской лит. и журналистики
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
lempi@mail.ru*

ЛОКУС КОМАРОВСКИЙ СКИТ В ДИЛОГИИ П. И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО «В ЛЕСАХ» И «НА ГОРАХ»*

Аннотация. Статья посвящена изучению одного из старейших нижегородских старообрядческих скитов, Комаровского скита, в дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах». В дилогии опыт изучения П. И. Мельниковым-Печерским исторической действительности выразился в художественной форме. В статье Комаровский скит рассматривается как категория художественного пространства. Комаровский скит в дилогии — отчетливо доминирующий пространственный образ. В современном литературоведении для обозначения пространственных образов часто используется понятие «локус». Текст дилогии позволяет рассматривать Комаровский скит как локус, поскольку он обладает некоторыми существенными признаками этого понятия: тождественность объекту реального мира, культурная значимость для определенного социума, дискретность, антропологическая обусловленность. В статье проводится анализ текста, исходя из определяющих понятие локуса признаков, это понятие применимо к пространственному образу Комаровского скита.

Ключевые слова: П. И. Мельников-Печерский, русское старообрядчество, Комаровский скит, локус, художественное пространство, пространственный образ

Комаровский скит — одна из главных старообрядческих святынь, старейший нижегородский скит на реке Керженец. История Комаровского скита драматична. Наряду с другими Керженскими скитами (под этим общим названием известны старообрядческие скиты, существовавшие в Керженских и Чернораменских лесах Семеновского уезда Нижегородской губернии), Комаровский скит пережил Птиримово разоренье (1837), гонения на скиты в 50-е гг. XIX века при Николае I и был окончательно упразднен в 30-е гг. XX века. История Комаровского скита, как и многих других старообрядческих скитов, погостов и религиоз-

ных святынь, мало изучена, несмотря на то что культура старообрядцев, в особенности книжная, широко исследовалась археографами, этнографами, историками, искусствоведами. В 90-е гг. XX века изучением Комаровского скита в числе других Керженских скитов занимался Нижегородский институт рукописной и старопечатной книги, созданный по инициативе академика Д. С. Лихачева¹.

Благодаря исследовательской деятельности института была проведена паспортизация скитов, почитаемых старообрядцами кладбищ, могил в Семеновском районе Нижегородской области, произведена фотосъемка мест, где располагались старообрядческие скиты. Результатом работы стало то, что территории бывших скитов (Комаровского, Оленевского, Шарпана, Смолян) были объявлены достопримечательными местами, связанными с историей старообрядчества, и взяты под охрану как особо почитаемые святыни [1].

Несмотря на малоизученность одного из главных нижегородских старообрядческих скитов, обширные сведения о Комаровском ските дает творчество писателя, беллетриста, публициста, историка XIX века П. И. Мельникова-Печерского (1818—1883). Этот богатый материал был собран им благодаря архивной работе с делами старообрядцев, его личному интересу к памятникам старины, старообрядческим рукописным и старопечатным книгам, преданиям и легендам, непосредственному наблюдению за жизнью старообрядцев во время путешествий по Волге, Уралу, Сибири и во время этнографических экспедиций в должности чиновника особых поручений при Министерстве внутренних дел.

Свои обширные знания П. И. Мельников-Печерский воплотил не только в своих публицистических, исторических сочинениях («Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии», «Письма о расколе», «Очерки поповщины» и др.), но и в художественных. Значительная часть диалогии «В лесах» и «На горах» (1871—1874, 1875—1881), вершины художественного творчества П. И. Мельникова-Печерского, посвящена Комаровскому скиту, а также одной из самых знатных и богатых обителей скита — Манефиной

обители, которые становятся основными местами действия первой части дилогии — романа «В лесах».

Опыт изучения П. И. Мельниковым-Печерским исторической действительности выразился в дилогии уже в художественной форме, поэтому применительно к дилогии следует говорить о такой категории, как художественное пространство Комаровского скита. Как отмечает Е. В. Гневковская в своей монографии «Мастерство романиста П. И. Мельникова — Андрея Печерского», несмотря на то что пространство у Мельникова отчетливо и конкретно, оно не этнографично, а художественно, поскольку выходит «из-под руки писателя-беллетриста, следующего природе искусства, а не просто своим, и в самом деле, обширным познаниям историка-этнографа» [2, 79].

Действительно, дилогия воспроизводит объект реального мира. Действие дилогии, в данном случае ее первой части, разворачивается в конкретном пространстве Комаровского скита, «однако существование особого художественного пространства, совсем не сводимого к простому воспроизведению тех или иных локальных характеристик реального ландшафта, становится очевидным...» [5, 413].

Художественное произведение отражает окружающую действительность, объекты которой не могут восприниматься вне пространства и времени. В современных филологических исследованиях одним из наиболее часто используемых терминов для обозначения пространственных образов является «локус» [8]. В. Ю. Прокофьева определяет локус как пространственный образ, зафиксированный в тексте и обладающий признаками «относительной тождественности существующему в реальной действительности объекту и культурной значимости этого объекта для социума, на основе чего формируется когнитивная база и фиксируются стереотипные и индивидуальные представления о нем» [7, 90]. В отличие от локуса, близкое ему понятие «топос» не сводится к фиксации объекта физического художественного пространства в тексте, это общее место, «стереотипный, клишированный образ, мотив, мысль» [6]. Исходя из такого по-

нимания, в определении художественного пространства Комаровского скита мы придерживаемся понятия «локус».

Комаровский скит в романе «В лесах» — отчетливо доминирующий пространственный образ, организующий художественное пространство романа. С локусом Комаровского скита связана одна из главных сюжетных линий романа «В лесах». Комаровский скит является составляющей более крупного пространственного центра, «скита», имеющего особое значение для моделирования картины мира, раскрытия образов героев во всей диалогии. Этот центр был выделен в исследованиях Е. В. Гневковской [2, 80], [3].

А. А. Потенбя, занимавшийся изучением категорий художественного пространства и времени, отмечал, что пространство «может быть художественно выражено только через разложение пространственных объектов на отдельные элементы и превращение их во временную последовательность восприятий» [9, 157]. Описание пространства с помощью отдельных деталей образует некую дискретность пространства, которое достраивается воображением читателя.

П. И. Мельников-Печерский пользовался таким художественным приемом благодаря своим обширным знаниям истории и культуры старообрядческого Заволжья.

Еще в 1854 году, задолго до написания диалогии, П. И. Мельников-Печерский составил по итогам этнографической экспедиции «Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии»², вторая часть которого посвящена историческому обзору нижегородских скитов до 1853 года. Автор обращает внимание на все аспекты: как на религиозные, статистические, бытовые, экономические, так и на существующие предания о старообрядческих скитах, в том числе об основании Комаровского скита³. Притом, что «Отчет» сохраняет характер публицистического произведения, он имеет большую ценность, давая подробнейшие сведения о жизни старообрядцев Заволжья. По словам биографа П. И. Мельникова-Печерского П. С. Усова, «вышел собственно не отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии, а точная, верная картина его во всей России<...>» [11, 118]. Посещая скиты в качестве чиновника

особых поручений нижегородского губернатора, П. И. Мельников-Печерский изучил скиты до мельчайших подробностей. Тесное соприкосновение с миром старообрядческого Заволжья способствовало такому успеху романа «В лесах», о котором П. И. Мельников-Печерский говорил в письме своей жене от 20 октября 1872 года: «Меня чествуют, как лучшего современного писателя, и, что всего удивительнее, разные фрейлины восхищаются моими сиволапыми мужиками и раскольничьими монахинями, которых, если бы они предстали живьем, конечно, и близко к себе не подпускали бы» [11, 294].

Из деталей быта, внутреннего устройства старообрядческих скитов, экскурсов в историю скита, из художественных образов обитателей скита, созданных П. И. Мельниковым-Печерским, их нравов и из его личных представлений складывается локус Комаровский скит.

П. И. Мельников-Печерский широко использует прием ретардации (согласно определению А. А. Потебни [9, 163]), включая в текст повествования многочисленные авторские вставки, отступления об истории скита, предания, описание хозяйства, быта скита, тем самым замедляя романное действие. Пространство Комаровского скита оказывается как бы в нескольких временных пластах.

Целая глава второй части романа «В лесах» посвящена истории заселения Заволжья в XVII веке и образования группы скитов в Керженских, Чернораменских, Римских лесах. Здесь можно говорить о динамике идеи пространства, под которой В. Н. Топоров понимал «собираение», «обживание» пространства, освоение его, сотрудничество с ним, умение брать нужное, что является целью практической деятельности человека, в отличие от простого созерцания самораскрывающегося пространства [10, 230]. В этой главе П. И. Мельников-Печерский указывает на исторические предпосылки появления старообрядческих поселений в глухих заволжских лесах, куда с XV века бежали духовные предки нынешних старообрядцев, попы-хлыновцы, не желавшие знать Москву с ее митрополитом, а затем с XVII века стали заселяться беглые холопы и крестьяне, скрывавшиеся

от государства⁴. Во 2 пол. XVII века в заволжские леса явились из сел и городов старообрядцы.

Наряду с историческим материалом П. И. Мельников-Печерский предлагает вниманию читателя и устнопоэтическую версию возникновения заволжских скитов, по которой во время Соловецкого сиденья икона Казанской Богоматери чудесным образом привела старца инока-схимника Арсения к месту, где он основал первый скит, Шарпанский⁵. С этого момента в лесах Заволжья один за другим стали возникать старообрядческие скиты, крупнейшим из которых стал Комаровский скит. Согласно преданию Комаровский скит возник в конце XVII — начале XVIII века в местечке, называемом Каменный Вражек, как поясняет П. И. Мельников-Печерский, на сухом острове «в лесах Черной рамени, в верхотинах Линды, что пала в Волгу немного повыше Нижнего, среди лесов, промеж топких болот»⁶. Место то каменистое, повсюду из земли торчат валуны: «То осколки Скандинавских гор, на плававших льдинах занесенные сюда в давние времена образования земной коры»⁷. По преданию, известному в народе за Волгой, «последние-де русские богатыри, побив силу татарскую, похвалялись здесь бой держать с силой небесною и за гордыню оборочены в камни»⁸. В роман включено предание об основателе Комаровского скита: «Вскоре после "Соловецкого сиденья" на Каменном Вражке поселился пришлый из города Торжка богатый старообрядец, по прозвищу Комар. По имени его и скит прозвали Комаровым»⁹.

Наличие в художественном тексте романа преданий наряду с достоверным историческим материалом придает ему особую выразительность. Автор не настаивает на той или иной версии возникновения Комаровского скита, давая возможность читателю заполнить в своем воображении дискретное пространство.

Комаровский скит — это и конкретное пространство, имеющее определенные географические координаты, которые П. И. Мельников-Печерский указывал еще в своем «Отчете»: «Комаровский скит находится в 18 верстах от гор. Семенова (летом 25) к юго-западу. С одной стороны прилегает к лесу, а с другой окружен деревьями: Елфимовой, Василье-

вой, Ронжиной»¹⁰. Однако в романе Комаровский скит — художественное пространство, поэтому указание на такие точные географические координаты ни к чему. П. И. Мельников-Печерский пользуется приемом детализации. Эти же сведения о географическом положении Комаровского скита внимательный читатель увидит в романе, обратив внимание на некоторые детали, разбросанные в тексте художественного повествования. Это рассказ о рождении дочери игуменьи Комаровского скита Манефы (до пострига Матрены Максимовны): «Дочку Бог дал. Завернула ее Платонида в шубейку, отдала кривой Фотинье, а та мигом в соседнюю деревню Елфимову спроворила»¹¹, о знахарке Егорихе: «По соседству с каменным Вражком в деревне Елфимове живет знахарка — тетка Егориха»¹², «Манефина обитель на краю Комарова стоит, до Елфимова от нее версты не будет»¹³, о возвращении паломников со Светлояра: «И вот по узенькой дорожке, что пролегает к скиту из Елфимова, облитые ярким сияньем поднимавшегося к полудню солнца, осторожно спускаются в Каменный Вражек повозка, другая, третья...»¹⁴, о свадьбе уходом дочери купца Патапа Максимыча Чапурина: «Заслышав тревогу, прибежали мужики, бабы из Ронжина, из Елфимова и других недалних деревень»¹⁵, о начавшемся гонении на скит: «Прошлым летом у Глафириных нову «стаю» рубили, так ронжински ребята да елфимовские смеются с галками-то»¹⁶. Художественных деталей, в которых можно прочесть географию, историю, как в авторском повествовании, так и в рассказах самих героев диалоги, достаточно.

В той же главе, посвященной истории появления старообрядческих скитов в Заволжье и Комаровского скита на Каменном Вражке, П. И. Мельников-Печерский подробно описывает внутреннее устройство скитских обителей, построек, особенности ведения хозяйства. По описанию П. И. Мельникова-Печерского, заволжские скиты сохранили давний круговой порядок постройки, по которому строились русские общины, но который практически нигде уже не сохранился: «Обнесенные околицей жилые строения и разные службы были расположены кругом обширного двора, среди которого возвышалась часовня. Строения стояли задом наружу, ли-

цом на внутренний двор»¹⁷. Автор подчеркивает, что строение в обителях было не похоже ни на городское, ни на деревенское. Пять-шесть изб, стоявших вплотную друг к другу под одной кровлей и соединявшихся между собой крытыми переходами, назывались стаями. По замечанию П. И. Мельникова-Печерского, стаи были настолько добротны и уютно устроены внутри, что напоминали допетровские городские хоромы зажиточных людей¹⁸. Несколько стай со всеми хозяйственными постройками составляли обитель, а несколько обителей — скит. Такое расположение построек подчеркивает некоторую обособленность пространства скита от остального мира, но эта закрытость пространства относительна. Ограниченное пространство Комаровского скита входит в состав безграничного. В современных филологических исследованиях ограниченное пространство в составе безграничного трактуется как «локус». Закрытые пространственные образы исследователи называют «локусами», открытые — «топосами» (например, локус Михайловского и топос деревни) (см.: [7, 88]). Пространство Комаровского скита составляет особый обособленный, являющийся частью безграничного пространства, частью картины мира.

Изначально пространство скита было совершенно закрыто от постороннего мира. П. И. Мельников-Печерский говорит о том, что в стародавние времена тех, кто скрывался от власти в скитах, не могла достать даже полиция¹⁹, а вход в некоторые богатые обители даже в число «трудниц» был недоступен²⁰. Но постепенно религиозный фанатизм ослабел, и Керженские и Чернораменские скиты, служившие когда-то убежищем для непринявших Никоновы реформы, потеряли свой первоначальный исключительно религиозный характер, превратившись в рабочие общины с артельным хозяйством. Пространство скита перестало быть абсолютно закрытым для внешнего мира, оставаясь его частью. П. И. Мельников-Печерский отмечает, что хозяйственная деятельность скитов напрямую зависела от подаяний богатых старообрядцев за то, чтобы матери усерднее молились за здравие своих благодетелей. Очень часто скиты отправляли в другие города грамотных «читалок», «канонниц» «сто-

ять негасимую свечу», т. е. читать псалтырь по покойникам, а также учить грамоте малолетних детей в домах богатых благодетелей. По праздникам отправлялись сборщицы с книгами, которые привозили в скиты значительные суммы денег и необходимые в хозяйстве вещи²¹. Следовательно, закрытость пространства скита относительна, он непосредственно связан с внешним миром.

Внутреннее пространство скита строго организовано. После того как скиты превратились в рабочие общины, на передний план вышла хозяйственная деятельность («Во всех общежительных женских скитах хозяйство шло впереди духовных подвигов»²²) с ее строгой иерархией, где главной распорядительницей работ была игуменья: «В стенах общины каждый день, кроме праздников, работа кипела с утра до ночи...»²³. Пряли, ткали, вышивали, даже писали иконы, но на себя никто не работал, все шло в общину и богатым благодетелям в дар. Вследствие этого, по мнению П. И. Мельникова-Печерского, исчезли мужские обители, не выдержавшие такого устройства, свойственного больше женским: «По мере того как женские общежития умножались и год от году пополнялись, ряды скитников редели, обители их пустели и, если не переходили в руки женщин, разрушались сами собою, безо всякого вмешательства гражданской или духовной власти»²⁴. По таким принципам было организовано и внутреннее пространство Комаровского скита и его самой богатой обители — Манефиной. Благодаря такому внутреннему устройству обителей, непреклонному следованию заведенным общинным порядкам, а также поддержке богатых благодетелей Комаровскому скиту удалось стать не только одним из самых богатых и процветающих, но и стойких.

Подробно описывая быт и внутреннее устройство скитских обителей, П. И. Мельников-Печерский особенно выделяет обитель игуменьи Манефы, заслужившей славу великой «ревнительницы древнего благочестия», при которой хозяйство обители было наиболее слаженно и четко организовано. Главное, на что автор обращает внимание читателя в Манефиной обители, это не только общежительное устройство, богатство, но в особенности внутреннее убранство ча-

совни — наличие в ней огромного количества икон, до трех тысяч, свезенных из других церквей: это и новгородские иконы, и строгановского письма, и фряжской работы царских зографов Симона Ушакова, Николая Павловца и др. То, насколько детально автор описывает убранство часовни, свидетельствует о глубоком знании П. И. Мельниковым-Печерским иконописи, которое высоко оценивает В. В. Лепяхин [4]. Он обращает внимание на одну деталь, упомянутую вскользь П. И. Мельниковым-Печерским («Древний Деисус с ликами апостолов, пророков и праотцев возвышался...»²⁵), по которой можно судить о наличии большого пятирядного иконостаса в старообрядческой часовне, что не всегда встречалось даже в церквях и знаменитых храмах, следовательно, недостатка в иконах старинного письма у старообрядцев не было [4, 224].

Еще в «Очерках поповщины» П. И. Мельников-Печерский писал о том, что старообрядцы, в особенности московские, оказали неоценимую услугу русской истории в деле сохранения памятников старорусского искусства, скупая древние родовые иконы и ценности, забытые в кладовых как ненужный хлам, «без них все бы бесследно погибло»²⁶.

Эти же мысли были высказаны П. И. Мельниковым-Печерским в романе «В лесах». Игуменья Манефа сумела не только поднять авторитет обители, но и сыграла большую роль в деле сохранения древнерусских святынь: икон, книг и рукописей, церковной и домашней утвари, которые представляли огромную ценность в допетровское время и которую так безжалостно сбывали с рук «напудренные внуки бородатых бояр»²⁷. Пространство Комаровского скита становится закрытым для внешнего мира, чтобы спасти от его посягательств на древнерусские святыни. Как отмечает А. Шамаро, старообрядцы «с этими святынями, поднятыми в смертный час над головой <...> заживо сгорали» [12, 102].

Пространство Комаровского скита не только концентрирует в себе древнейшие ценности культуры, но и является центром книжной грамотности, патриархальных традиций, старинных обрядов. Традиции обучения детей церковной грамоте, благочестию, пению, богослужебным обрядам в Ко-

маровском скиту сохранялись до его окончательного уничтожения. Рассказывая об устройстве обительской стаи и кельи игуменьи, над которой находилась светлица в виде теремка, П. И. Мельников-Печерский поясняет, что в ней в летнее время жили племянницы Манефы и дочь богатого купца Дуня Смолокурова, когда воспитывались в ее обители²⁸. Еще в самом начале романа «В лесах», в первой главе, при знакомстве с семьей старообрядца-тысячника Патапа Максимовича Чапурина, родного брата игуменьи Манефы, П. И. Мельников-Печерский делает акцент на том, что его дочери Настя и Прасковья возвратились в родной дом после пятилетнего пребывания в Комаровском скиту, где обучались божественному писанию и рукодельям, а образованных дочерей отец выдаст замуж в дома богатые, «не у квашни стоять, не у печки девицам возиться, на то есть работницы»²⁹. П. И. Мельников-Печерский подробно рассказывает о знаниях, полученных девушками в скиту, которые вызывают гордость у Чапурина: «Настя да Параша в обители матушки Манефы и "часовник" и все двадцать кафизм псалтыря наизусть затвердили, отеческие книги читали бойко, без запинки, могли справлять уставную службу по "Минею месячной", петь по крюкам, даже "развод демественному и ключевому знамени" разумели. Выучились уставом писать и, живя в скиту, немало "ветников" да "сборников" переписали и перед великим праздником посылали их родителям в подарение. А Патап Максимыч любил на досуге душеспасительных книг почитать, и куда как любо было сердцу его родительскому перечитывать "Златоструи" и другие сказанья, с золотом и киноварью переписанные руками дочерей-мастериц. Какие "заставки" рисовала Настя в зачале "Цветников", какие "финики" по бокам золотом выводила — любо-дорого посмотреть!»³⁰

Пространство Комаровского скита оказывается открытым для тех, кто благодушно настроен к его обитателям (жена Патапа Максимовича Аксинья Захаровна, его приемная дочь Груня), для тех, кто желает перенять древнюю культуру старообрядцев, книжную грамотность (дочери Патапа Чапурина, Дуня Смолокурова), или тех, кто оказывает мате-

риальную помощь скиту (сам Патап Максимович, Марко Данилыч Смолокуров и другие богатые благодетели).

Для дочерей Патапа Максимыча и Дуни Смолокуровой Комаровский скит осознается как «свое» пространство, второй дом, куда они могут в любое время приехать погостить, навестить Манефу и своих подруг-белиц, поделиться своими душевными переживаниями и попросить совета. Акси́нья Захаровна благоволит скиту и в домашних спорах с мужем всегда заступает за скитниц: «Сама за Чапурина из скитов "уходом" бежала, и к келейницам сердце у ней лежало всегда»³¹. «У матушки Манефы в обители спокон веку худого ничего не бывало» — возражает жена Патапа Максимыча в ответ на реплику мужа о нравах в Комаровском скиту: «В Комарове-то, поди, всякие виды видали. В скитах за всегда грех со спасеньем по-соседски живут»³². Патап Максимыч постоянно посмеивается над скитницами, подводя отдельные случаи под общее: «Кто в скитах живет?.. Те, что ли, про которых в твоих "Патериках" писано?.. Постники?.. Подвижники?.. Земные ангелы?.. Держи карман!.. Обойди ты все здешни скиты да прихвати и Стародубские слободы, Рогожское на придачу возьми, найди ты мне старицу меньше девяти пудов весу, меньше десяти вершков в отрубке... Десятка не наберешь!.. Вот каковы у них пост да воздержание!..»³³; «<...> иночество самое пустое дело. Работать лень, трудом хлеба добывать не охота, ну и лезут в скиты дармоедничать...»³⁴.

П. И. Мельников-Печерский не идеализирует старообрядчество. По долгу службы он был вхож в мир старообрядцев, где сталкивался не только с подлинным благочестием, но и с обратными явлениями. В одной из глав «Отчета» П. И. Мельников-Печерский характеризует «нравственное состояние скитских жителей»: «Вообще русский раскольник<...> отличается ханжеством и лицемерием. Но нигде, конечно, это лицемерие не достигает таких размеров, как в скитах и особенно женских. Этим ханжеством скитские жители поддерживают доброе о себе мнение богатых раскольников<...>»³⁵. Столь категоричное высказывание в «Отчете»

выражает ранние взгляды П. И. Мельникова-Печерского на старообрядцев.

В романе нет этой категоричности, оценка нравственной жизни внутри скита неоднозначна. С одной стороны, Манефа защищает нравственную чистоту скита: много напраслины наводят на обители, чтобы окончательно их уничтожить: «В какой-нибудь захудалой обители человек без виду попадет — про все скиты закричат, что беглыми полнехоньки... Согрешит негде девица, и выйдет дело наружу, ровно в набат про все скиты забьют: "Распутство там, разврат непотребный!.."»³⁶ С другой стороны, Манефа сама признает крайнее падение веры в скиту, она не отрицает, что и среди скитских матерей есть те, что грешат: «А ведь и под черной рясой и на старости лет молодая-то любовь помнится...»³⁷. Даже те, кого она считала «незыблемыми столпами старой веры и крепкими алмазами»³⁸, отрекаются от древлего благочестия. С негодованием Манефа слушает от московского посланника Василия Борисыча новости о том, что в Москве «наши-то столпы, наши-то алмазы благочестия раз по тридцати на дню от веры во время невзгод отрекаются... <...> Смеются над древлим-то благочестием, глупостью да бабьими враками его обзывают»³⁹. Нет больше таких подвижников, как в былые времена. Манефа сетует на несчастья, наступившие Комаровский скит: «Извне беды, бури и напасти; внутри нестроение, раздоры и крайнее падение веры!..»⁴⁰ Характерно, что Манефа в данном эпизоде делит пространство на внутреннее («внутри») — пространство скита, и внешнее («извне») — враждебно настроенный к скиту окружающий мир. В традиции передавать существенные свойства пространства в виде оппозиций выражается дуализм восприятия пространства. Однако к пространству Комаровского скита сложно однозначно применять бинарные оппозиции. В миру находятся как заступники и благодетели скита, такие как Патап Максимыч, Смолокуров, или сочувствующие скитам богатые петербургские старообрядцы Громы, Дрябины, извещающие Манефу о грозящих гонениях на Керженские скиты («к знатым вельможам вхожи и, какие бы по старообрядству дела ни были, все до капельки знают»⁴¹), так и среди

своих оказываются отступники от веры. Патап Максимыч, хоть и посмеивается над скитницами, но сам он не враждебно настроен к скиту. Он убежден, что спастись можно и в миру, главное жить «по добру да по правде»⁴². Манефа знает, что может искать поддержку у брата в трудные для скита времена, потому что по своей природе он, хоть и своенравен и горд и любит страх напускать, но добр в душе и всегда готов поддержать Манефу: «Хоть мы с тобой век бранимся, а угол тебе у брата всегда готов <...> Авось сыты будете»⁴³. Для Патапа Максимыча важно следовать традициям, заведенным предками, чтить память о подвижниках древнего благочестия, беречь старообрядческие святыни, хранителем которых выступает в романе Комаровский скит. Поэтому Чапурин предлагает Манефе спасти в своем доме святыни Комаровского скита от грядущего разорения. Пространство Комаровского скита хоть и имеет некоторую обособленность от окружающего мира, но оно не защищено от разрушительного вторжения извне.

Комаровский скит оказывает влияние и на окрестные деревни, жители которых реже других устраивают веселые гулянья с хороводами. Шумные празднества уступили место «молчаливым сходбищам» на поклонение гробницам старцев и стариц, подвижников старообрядчества⁴⁴. Такие сборища ежегодно проходили «на могиле старца Арсения, пришедшего из Соловков вслед за шедшей по облакам Шарпанской иконой Богородицы; на могиле старца Ефрема из рода смоленских дворян Потемкиных; на пепле Варлаама, огнем сожженного; на гробницах многоучительной матушки Голиндухи, матери Маргариты одинцовской, отца Никандрия, пустынноика Илии, добрым подвигом подвизавшейся матери Фотинии, прозорливой старицы Феклы; а также на урочище "Смольянах", где лежит двенадцать гранитных необделанных камней над двенадцатью попами, не восхотевшими Никоновых новин прияти. Но самое главное, самое многолюдное сборище бывает в Духов день на могиле известного в истории раскола старца Софонтия»⁴⁵. Вспомним описанные в романе один из таких сборов у гробницы Софонтия, паломничество богомольцев и обитателей скитов к Светлояру,

верящих в то, что увидеть Китеж-град может только тот, кто имеет истинное усердие в вере (см. напр. Т. 4. Кн. 2. Ч. 4. Гл. 2). Для верующих старообрядцев поклонение святыням — это особое событие, во время которого они испытывают духовное единение.

Комаровский скит несет в себе множество смыслов. Памятников притягивает возможностью приобщиться к святыням: «Знамо дело, зачем в Комаров люди ездят <...> Мало ль в Комарове святыни!.. Ей христиане и приезжают поклоняться. А по лесу сколько святых мест на старых скитах, разоренных!»⁴⁶ Другие, как Манефа, в стенах монастыря находят покой, искупление грехов юности и исцеление от душевных ран, вследствие невозможности личного счастья с любимым человеком: «<...> закаленная в долгой борьбе со страстями, <...> победившая в себе ветхого человека со всеми влечениями к миру, чувственности, суете <...> умертвившая в себе сердце и сладкие его обольщения»⁴⁷. Дочь Манефы Фленушка своим постригом выражает протест против устоев общества, где она не сможет реализовать свою личность в полной мере и вынуждена будет подчиняться устоям патриархального мира. «Любви такой девки, как я, — тебе не снести... По себе поищи, потише да посмирнее», — заявляет она Петру Самоквасову. И навсегда выбирает мир скита. Купеческая вдова Марья Гавриловна Масляникова находит в скиту временное пристанище пережить невзгоды вдали от мирской суеты, но как только в ее душе наступает гармония и покой, она вновь устремляется за пределы скита в мир: «Не век же в кельях жить, этак не увидишь, как и молодость пройдет... Пропустить ее не долго, а в другой раз молода не будешь... пожить хочется, Таня, пожить!»⁴⁸ Для нее пространство скита лишено динамики, а значит, в нем отсутствует жизнь. Не случайно в момент пострига Фленушки Петр Самоквасов слышит погребальную песнь келейниц, которая навевает ему мысль о несчастливой жизни, горе, печали, могиле⁴⁹. Он проклинает келейниц, скит, забирающих у него возможное счастье. Фленушка повторяет судьбу своей матери и после пострига даже словно примеряет на себя лик Манефы: «Сдвинулись соболиные

брови, искрометным огнем сверкнули гневные очи. Как есть мать Манефа»⁵⁰. Пространство Комаровского скита несет для каждого из героев свой смысл, свою значимость.

Таким образом, рассматривая Комаровский как некий пространственный образ в дилогии П. И. Мельникова-Печерского, можно говорить о локусе Комаровского скита. В дилогии воплотились субъективно-объективные представления автора о Комаровском ските. С одной стороны, Комаровский скит в дилогии тождествен объекту реального мира и имеет культурную значимость для определенного социума — старообрядцев. Обладая дискретностью, пространственный образ Комаровского скита складывается из деталей быта, внутреннего устройства, нравов обитателей скита, экскурсов в историю скита. С другой стороны, на основе реального образа формируются индивидуальные представления о нем. Следовательно, можно говорить об антропологической обусловленности пространства Комаровского скита. Локус Комаровского скита складывается из множественности восприятий данного пространственного объекта как автором, так и героями произведения. Комаровский скит в дилогии представляет созданную автором индивидуальную модель мира, мира закрытого, но закрытого относительно, так как в некоторой степени поддерживающего связи с внешним миром.

Примечания

- * Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.
- ¹ См. библиографию работ Института: Институт рукописной и старопечатной книги: 10 лет работы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/mrs/28_513.
 - ² Мельников П. И. Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии // Сборник Нижегородской Ученой Архивной Комиссии в память П. И. Мельникова (Андрея Печерского). Н. Новгород: Типо-Лит. Т-ва И. М. Машистова, 1910. Т. IX. Ч. 2. 337 с.
 - ³ Там же. С. 132.
 - ⁴ См.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Собр. соч.: В 8 т. М.: Правда, 1976. Т. 2. С. 313—314.
 - ⁵ См.: Там же. С. 315.

- ⁶ Там же. С. 319.
- ⁷ Там же. С. 319.
- ⁸ Там же. С. 319.
- ⁹ Там же. С. 322.
- ¹⁰ Мельников П. И. Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии . Т. IX. Ч. 2. Отд. V. С. 131.
- ¹¹ Мельников П. И. (*Андрей Печерский*). Собр. соч. Т. 2. С. 182.
- ¹² Мельников П. И. (*Андрей Печерский*). Собр. соч. Т. 3. С. 386.
- ¹³ Там же. С. 390.
- ¹⁴ Мельников П. И. (*Андрей Печерский*). Собр. соч. Т. 4. С. 125.
- ¹⁵ Там же. С. 353.
- ¹⁶ Мельников П. И. (*Андрей Печерский*). Собр. соч. Т. 3. С. 174.
- ¹⁷ Мельников П. И. (*Андрей Печерский*). Собр. соч. Т. 2. С. 320.
- ¹⁸ См.: Там же. С. 321.
- ¹⁹ См.: Там же. С. 316.
- ²⁰ См.: Там же. С. 317.
- ²¹ См.: Там же. С. 318.
- ²² Там же. С. 318.
- ²³ Там же. С. 318.
- ²⁴ Там же. С. 317.
- ²⁵ Там же. С. 328.
- ²⁶ Мельников П. И. Очерки поповщины // Мельников П. И. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; СПб., 1898. Т. 13. С. 327.
- ²⁷ См.: Мельников П. И. (*Андрей Печерский*). Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 327—329.
- ²⁸ Там же. С. 329.
- ²⁹ Там же. С. 13.
- ³⁰ Там же. С. 13—14.
- ³¹ Там же. С. 15.
- ³² Там же. С. 15.
- ³³ Мельников П. И. (*Андрей Печерский*). Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. С. 344.
- ³⁴ Там же. С. 345.
- ³⁵ Мельников П. И. Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии // Сборник Нижегородской Ученой Архивной Комиссии в память П. И. Мельникова (Андрея Печерского). Н. Новгород, 1910. Т. IX. Ч. 2. С. 143.
- ³⁶ Мельников П. И. (*Андрей Печерский*). Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. С. 172—173.
- ³⁷ Там же. С. 174.
- ³⁸ См.: Там же. С. 384.
- ³⁹ Там же. С. 383.

- ⁴⁰ Там же. С. 384.
- ⁴¹ Там же. С. 215–216.
- ⁴² Там же. С. 341.
- ⁴³ Там же. С. 375. См. также: Там же. С. 164–165.
- ⁴⁴ См.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Собр. соч.: В 8 т. М.: Правда, 1976. Т. 4. С. 93.
- ⁴⁵ См.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. С. 93.
- ⁴⁶ Мельников П. И. (Андрей Печерский). Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. С. 205—206.
- ⁴⁷ Мельников П. И. (Андрей Печерский). Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 15.
- ⁴⁸ Мельников П. И. (Андрей Печерский). Собр. соч.: В 8 т. М.: Правда, 1976. Т. 5. С. 386.
- ⁴⁹ Мельников П. И. (Андрей Печерский). Собр. соч.: В 8 т. М.: Правда, 1976. Т. 4. С. 15.
- ⁵⁰ См.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Собр. соч.: В 8 т. М.: Правда, 1976. Т. 5. С. 403.
- ⁵¹ Там же. С. 411.

Список литературы

1. Бахарева Н. Н., Белякова М. М. Изучение и государственная охрана мест, связанных с историей старообрядчества в Нижегородской области // Мир старообрядчества. М., 1998. Вып. 4. С. 132—139.
2. Гневковская Е. В. Мастерство романиста П. И. Мельникова — Андрея Печерского (Диалогия «В лесах» и «На горах»: характеристология, художественное пространство и время). Н. Новгород: Вектор ТиС, 2003. 200 с.
3. Гневковская Е. В. Художественное пространство скита в диалогии Мельникова-Печерского // Учен. зап. Волго-Вятского отделения Международной Славянской акад. наук, образования, искусств и культуры. Н. Новгород, 2003. Вып. 12. С. 149—152.
4. Лепяхин В. В. Знаток икон и иконописи: историк, этнограф, иконовед и писатель П. И. Мельников-Печерский // Икона в русской художественной литературе: икона и иконопочитание, иконопись и иконописцы. М.: Отчий дом, 2002. С. 217—242.
5. Лотман Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллин: Александра, 1993. Т. 1. С. 413—447.
6. Махов А. Е. Топос // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001. Стб. 1076.
7. Прокофьева В. Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы // Вест. Оренбург. ун-та. 2005. № 11. С. 87—94.

8. *Пыхтина Ю. Г.* К проблеме использования пространственной терминологии в современном литературоведении // Вест. Оренбург. ун-та. 2013. № 11 (160). С. 29—36.
9. *Сухих С. И.* Теоретическая поэтика А. А. Потебни. Н. Новгород: КиТ издат, 2001. 288 с.
10. *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227—284 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://es-dejavu.ru/p/Publ_Torogov_Space.html
11. *Усов П. С.* П. И. Мельников, его жизнь и литературная деятельность // Мельников П. И. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; СПб.: Тип. М. О. Вольф, 1897. Т. 1. 324 с.
12. *Шамаро А.* «Ревнители древлего благочестия» // Наука и жизнь. 1994. № 2. С. 100—107.

Lyubov Viktorovna Alekseeva

*Master of Arts of the Faculty of Philology's Web-Laboratory,
Petrosavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
lempi@mail.ru*

THE LOCUS OF KOMAROVSKY SKETE MONASTERY IN PAVEL MELNIKOV-PECHERSKY'S DILOGY IN THE WOODS AND ON THE HILLS

Abstract. The article is devoted to studying Komarovsky skete monastery, the oldest Nizhny Novgorod Old Believer skete monasteries, in Pavel Melnikov-Pechersky's diology "In the woods" and "On the hills". This diology is an artistic reflection of Pavel Melnikov-Pechersky's experience of studying historical reality. In this article Komarovsky skete monastery is considered as the category of artistic space. Komarovsky skete monastery is a distinctly dominating spatial image in the diology. In modern literary criticism the concept of "locus" is often used to identify spatial images. The text of the diology allows considering Komarovsky skete monastery as locus, since it has some essential characteristics of this concept: identity with the real world object, cultural importance for a certain society, discretisation and anthropological conditionality. The article analyses the text on the basis of locus defining characteristics applicable to a spatial image of Komarovsky skete monastery.

Keywords: Pavel Melnikov-Pechersky, Russian Old Belief, Komarovsky Skete Monastery, locus, artistic space, spatial image

References

1. Bakhareva N. N., Belyakova M. M. Izuchenie i gosudarstvennaya okhrana mest, svyazannykh s istoriey staroobryadchestva v Nizhegorodskoy

- oblasti [Research and State Protection of the Places Connected with History of Old Believers in Nizhny Novgorod Region]. *Mir staroobryadchestva* [The world of the Old Belief]. Moscow, 1998, issue 4, pp. 132–139.
2. Gnevkovskaya E. V. *Masterstvo romanista P. I. Mel'nikova (Andrey Pecherskogo) (Dilogiya «V lesakh» i «Na gorakh»: kharakterologiya, khudozhestvennoe prostranstvo i vremya)* [Skill of the Novelist P. I. Melnikov (Andrey Pechersky) (The Dilogy "In the Woods" and "On the Hills": Characterology, Artistic Space and Time)]. Nizhny Novgorod, Vektor TiS Publ., 2003. 200 p.
 3. Gnevkovskaya E. V. *Khudozhestvennoe prostranstvo skita v dilogii Mel'nikova-Pecherskogo* [Artistic Space of a skete monastery in the Melnikov-Pechersky's Dilogy]. *Uchenye zapiski Volgo-Vyatskogo otdeleniya Mezhdunarodnoy Slavyanskoy akademii nauk, obrazovaniya, iskusstv i kul'tury* [Proceedings of Volga-Vyatka Department of the International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture]. Nizhny Novgorod, 2003, issue 12, pp. 149–152.
 4. Lepakhin V. V. *Znatok ikon i ikonopisi: istorik, etnograf, ikonoved i pisatel' P. I. Mel'nikov-Pecherskiy* [Expert in Icons and Iconography: Historian, Ethnographer, Writer and Researcher of Icons P. I. Melnikov-Pechersky]. *Ikona v russkoy khudozhestvennoy literature: ikona i ikonopochitanie, ikonopis i ikonopistsy* [Icon in Russian Literature: the Icon and the Veneration of Icons, Icon Painting and Painters]. Moscow, Otchiy dom Publ., 2002, pp. 217–242.
 5. Lotman Yu. M. *Problema khudozhestvennogo prostranstva v proze Gogolya* [The problem of the artistic space in Gogol's prose]. *Lotman Yu. Izbrannyye stat'i: v 3 tomakh* [Lotman Yu. M. Selected Articles in 3 Vols.]. Tallin, Aleksandra, 1993, vol. 1, pp. 413–447.
 6. Makhov A. E. *Topos* [Topos]. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary Encyclopedia of Terms and Definitions]. Moscow, Intelvak Publ., 2001, clmn. 1076.
 7. Prokofieva V. Yu. *Kategoriya prostranstvo v khudozhestvennom prelomlenii: lokusy i toposy* [The Category of Space in the Artistic Refraction: Locuses and Toposes]. *Vestnik Orenburgskogo universiteta* [Orenburg University Bulletin], 2005, no. 11, pp. 87–94.
 8. Pykhtina Yu. G. *K probleme ispol'zovaniya prostranstvennoy terminologii v sovremennom literaturovedenii* [The problem of the use of spatial terminology in the contemporary literary studies]. *Vestnik Orenburgskogo universiteta* [Orenburg University Bulletin], 2013, no. 11 (160), pp. 29–36.
 9. Sukhikh S. I. *Teoreticheskaya poetika A. A. Potebni* [A. A. Potebnya's Theoretical Poetics]. Nizhny Novgorod, KiTizdat Publ., 2001. 288 p.

10. Toporov V. N. Prostranstvo i tekst [Space and Text]. *Tekst: semantika i struktura* [Text: Semantics and Structure]. Moscow, 1983, pp. 227–284. Available at: http://ec-dejavu.ru/p/Publ_Toporov_Space.html (accessed 17 July 2014).
11. Usov P. S. P. I. Mel'nikov, ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost' [P. I. Melnikov-Pechersky, His Life and Literary Creative Work]. *Mel'nikov P. I. Polnoe sobranie sochineniy v 14 tomakh* [P. I. Melnikov. Complete Works in 14 Vols.]. Moscow; St. Petersburg, 1897, M. O. Wolf edition partnerships Publ., vol. 1. 324 p.
12. Shamara A. “Revniteli drevlego blagochestiya” [“Adherents of Ancient Piety”]. *Nauka i zhizn'* [Science and Life], 1994, no. 2, pp. 100–107.